

МАТЕРИАЛЫ К ВОПРОСУ ОБ УБИЙСТВЕ С.М.КИРОВА.

По поручению Президиума ЦК мы разбирали вопросы, изложенные в письме тов. Шатуновской О.Т., беседовали с бывшими членами партии т. Кирчаковым и т. Труниной, о которых т. Шатуновская упоминала в своем письме.

Доктор Кирчаков в основном подтвердил, что он рассказывал Шатуновской и Труниной о некоторых загадочных обстоятельствах убийства С.М. Кирова, но заявил, что рассказывал он это не «со слов Медведя», как говорилось в заявлении т. Шатуновской, а со слов Ольского (быв. работник НКВД, переброшенный в 1931 году в систему народного питания), которому якобы рассказывал эти обстоятельства Медведь.

Вот что пишет Кирчаков в своем заявлении:

«...Завязался разговор о трагической смерти тов. Кирова и участии Медведя, репрессированного по этому делу.

В этом разговоре Ольский решительно высказался в том смысле, что Медведь пострадал совершенно незаслуженно, что Медведь был ближайшим и искренним другом тов. Кирова и что в убийстве тов. Кирова Медведь не виноват.

Ольский также рассказывал мне, что Медведь от следствия по делу об убийстве тов. Кирова был отстранен, что следствие вел Агранов, а затем после Агранова еще кто-то (кто не помню).

На одном из допросов, рассказывал Ольский, тов. Сталин задал вопрос убийце Николаеву, почему был убит тов. Киров. На что Николаев ответил, что убил он тов. Кирова по заданию чекистов и при этом указал на группу чекистов, находившихся

в комнате, но что в этой группе Медведя не было..."

В заявлении тов. Труниной, которая была медсестрой в больнице и вместе с т. Шатуновской слышала от Кирчакова приведенный выше рассказ об обстоятельствах убийства С.М. Кирова, этот эпизод освещается несколько иначе:

«Не помню от кого слышал все это т. Кирчаков, но он нарисовал нам такую картину:

После убийства тов. Кирова выехал в Ленинград т. Сталин, последний допрашивал Николаева, почему он убил тов. Кирова, тогда Николаев показал на стоявших здесь же сотрудников НКВД и сказал: «Они заставили». После этих слов один из работников НКВД сбил с ног Николаева ударом нагана по голове и убрали его».

После того, как был зачитан на закрытых собраниях доклад тов. Хрущева Н.С. о культе личности и его последствиях, в ЦК КПСС и Комитет партийного контроля поступил и продолжает поступать ряд заявлений и материалов о различных обстоятельствах, связанных с убийством С.М. Кирова. Среди этих заявлений имеется сообщение шофера Кузина о том, что несший постоянную охрану Кирова в Смольном оперкомиссар Борисов был умышленно убит, а вовсе не случайно погиб в результате автомобильной аварии. Некоторые важные моменты (беседы Сталина с работниками Ленинградского НКВД) содержатся в заявлении Фомина, бывшего зам. нач. Ленинградского НКВД, единственного из руководящих работников Ленинградского НКВД, оставшегося в живых. Надо отметить, что относительно убийства Борисова Фомин сообщает, видимо, неверные данные, приписывая гибель Борисова случайной аварии.

Большой и во многом противоречивый материал имеется в делах следствия и суда по делу об убийстве С.М.Кирова. Одни только материалы за 1934-1935 г.г. составляют 58 томов.

Эти материалы 1934-1935 г.г. пронизаны определенной тенденцией - об'яснить убийство С.М.Кирова простой "халатностью" работников Ленинградского НКВД и изобразить убийство, совершенное Л.Николаевым, как планомерно организованное "ленинградским" (и "московским") центрами троцкистов и зиновьевцев. Поэтому необходимо данные материалы сопоставить с материалами следственных и судебных дел 1937 и 1938 г.г.

Важные данные об убийстве С.М.Кирова содержатся, например, в таких делах 1937 года, как дела Ягоды, Енукидзе, Запорожца, группы работников Ленинградского НКВД (Хвиюзова, Губина, Малия, Виноградова), обвиненных в умышленном убийстве оперкомиссара Борисова.

Изучение и сопоставление этих материалов дает возможность уже на данной стадии разбора этих вопросов придти к некоторым предварительным выводам:

1. Убийство С.М.Кирова могло произойти только потому, что люди, которые были обязаны охранять Кирова, прямо способствовали его убийце Л.Николаеву:

а) Л.Николаев был первый раз арестован 15 октября 1934г. за подозрительное поведение, но был освобожден нач.оперода Губиным, хотя (по данным 1937г.) у Николаева были обнаружены револьвер и записки, свидетельствовавшие о его террористических намерениях; Николаев был освобожден по указанию зам.нач. Ленинградского НКВД Запорожца, который, в свою очередь, получил указание отпустить Николаева от Ягоды.

б) Непосредственной причиной убийства С.М.Кирова явилось то обстоятельство, что охранявший Кирова в Смольном оперкомиссар Борисов отстал от него по крайней мере на 20 метров, а второй сотрудник НКВД, дозорный по 3-му этажу Дурейко, встретив Кирова, не пошел его сопровождать до кабинета, как полагалось по инструкции, а ушел в противоположную сторону. Только поэтому Николаев мог подбежать сзади к Кирову и стрелять почти в упор.

Нельзя сказать, что мало людей охраняло Кирова. 1 декабря несли дежурство по охране Кирова 9 сотрудников НКВД.

2. Ягода получил летом 1934 г. указания от А.Енукидзе — не мешать убийству С.М.Кирова, которое, как сообщил ему Енукидзе, готовится троцкистами и зиновьевцами. Ягода сначала категорически возражал против этого, потому что он в первую очередь должен был бы нести политическую и служебную ответственность за убийство Кирова, но затем, по его словам, он был вынужден подчиниться указаниям, полученным от Енукидзе.

Возникает вопрос: в качестве кого передавал Енукидзе такие указания Ягоде — в качестве ли члена «право-троцкистского центра», как показывал Ягода на следствии и на суде в марте 1938 года, или же в качестве доверенного человека Сталина, от имени «инстанции»?

Почему, собственно, Ягода в этот период (летом 1934г.) «вынужден» был бы подчиняться «право-троцкистскому центру»?

Судя по материалам судебных и следственных дел, Ягода в этот период не был ничем политически скомпрометирован, его встречи с правыми носили формально-служебный характер, он

арестовывал и троцкистов и правых и мог не только не подчиниться опасным для него указаниям «право-троцкистского центра» но и поставить вопрос об аресте людей, предлагавших способствовать убийству члена Политбюро Кирова.

В это время (летом 1934г.) авторитет Ягоды был высоко поднят утверждением его на посту наркома внутренних дел; в «Правде» были помещены его биография и портрет в связи с утверждением и т.д. Зачем было Ягоде рисковать своим положением, подчиняясь столь опасной для него лично директиве «право-троцкистского центра»?

Другое дело, если Енукидзе передавал эти указания от имени «инстанции», хотя бы в полуофициальной форме. Таким указаниям Ягода, действительно, вынужден был бы подчиниться.

3. Ягода не только не понес никакого взыскания, никакой ответственности за такой позорный прорыв в работе НКВД, как убийство члена Политбюро С.М.Кирова, но, наоборот, выступил в роли «героя». Ему предоставлена была возможность выступить с большим политическим документом — «Закрытое письмо НКВД СССР» № 001 от 26 января 1935г., где вся вина была взвалена на Медведа и др. работников Ленинградского НКВД, которые, как говорилось в письме Ягоды, — «Ослепли, оглохли и уверенно уснули на своем революционном посту».

Это «Закрытое письмо» № 001 Ягоды было представлено на утверждение И.В.Сталину и было лично им проредактировано.

Были ли в Политбюро предложения привлечь Ягоду к ответственности за убийство С.М.Кирова? Видимо, были. Как заявлял Енукидзе, на одном из заседаний Политбюро С.Орджоникидзе

выступил с прямым обвинением Ягоды, бросил ему реплику: «Вы являетесь виновником смерти Кирова». (Дело А.Енукидзе, стр.81).

То обстоятельство, что Ягода не получил никакого взыскания, а ленинградские работники НКВД по суду 1935г. получили необычайно мягкие наказания - вызывает очень большие сомнения.

4. Следствие, которое велось в 1934 году по делу об убийстве С.М.Кирова с самого начала имело установку И.В.Сталина - прямо обвинить в убийстве С.М.Кирова троцкистов и зиновьевцев как террористическую группу.

Об этом говорил в своем заключительном слове на Пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 года Ежов:

«Начал т.Сталин, как сейчас помню, вызвал меня и Косарева и говорит: «Ищите убийцу среди зиновьевцев». Я должен сказать, что в это не верили чекисты и на всякий случай страховали себя еще кое-где и по другой линии, по линии иностранной - возможно там что-нибудь выскочит».

(Стенограмма Пленума ЦК ВКП(б) за 3 марта 1937г., стр.391).

Сталин внес существенную поправку при редактировании указанного выше «Закрытого письма» Ягоды. В представленном тексте было написано: «Наши органы в Ленинграде преступно проглядели разветвленную к-р.организацию зиновьевцев». Сталин поправил: «преступно проглядели существование террористической группы зиновьевцев».

(Дело Медведя, Запорожца и др., хранящееся в ЦК).

1. Некоторые факты об убийстве С.М.Кирова и о характере следствия по этому делу в 1934-1935 гг. и в 1937-1938 гг.

Из большого фактического материала об убийстве С.М.Кирова видно, что это злодейское убийство готовилось Николаевым в течение нескольких месяцев.

Что собой представлял убийца - Л.Николаев?

Ряд данных говорит о том, что это безусловно был не вполне нормальный психически человек, эпилептик, с невероятным само-мнением, озлобленный против партии и Советского государства (его исключили из партии за отказ ехать на работу на ж.д.тран-спорт, потом восстановили).

Если судить по сохранившимся дневникам Николаева и различным его контрреволюционным записям, по показаниям жены Николаева, то убийство С.М.Кирова замышлялось Николаевым в качестве демонстративного протеста против политики партии и Советского государства. Готовясь к покушению, Николаев, этот взбесившийся обыватель, воображавший себя пролетарием (он проработал на заводе всего около 2-х лет), написал в октябре 1934г. контрреволюционное письмо, адресованное Политбюро ЦК ВКП(б) с претенциозным заголовком: "Мой ответ перед партией и отечеством".

В этом письме он перечислял различные свои "обиды" и между прочим заявлял:

"Для нас, для рабочего люда, нет свободного доступа к жизни, к работе, к учебе..."

Мы в'ехали в новую квартиру, но за нее дерут так, что нет никакого спаса..."

О войне предсказывают, как метеорологи о погоде... Пусть будет так - война неизбежна, но она будет разрушительна и спасительна. Не столько же пострадает народ как в нашу революцию 17-30-50 млн.чел. - со всеми ее последствиями".

В другой своей записи Николаев писал:

"...тысячи поколений пройдет, но идея коммунизма еще не будет воплощена в жизнь...

С какой силой я защищал все новое, с такой же нападаю".

(Материалы по делу Николаева и других, том 24, стр.27-28,15).

Об этих антисоветских настроениях Л.Николаева подробно показывала его жена Драуле М. 11 декабря 1934 г.:

"Николаев обвинял ЦК ВКП(б) в том, что он ведет милитаристскую политику, тратя огромные средства на оборону страны, на строительство военных заводов и подымает для этого искусственно шум о готовящемся на СССР нападении, в то время, когда никакой войны не будет, и никто на нас нападать не собирается. Кроме того, эта шумиха о готовящемся на СССР нападении, по его словам, рассчитана на то, чтобы этим отвлечь внимание трудящихся СССР от трудностей, вызываемых неверной политикой ЦК...

Особенно острый характер эти его настроения и озлобление против партийного аппарата приняли после его исключения из партии, приведшие его, в конечном счете, к совершению террористического акта над т.Кировым".

В показаниях М.Драуле говорилось, что "С момента исключения Николаева из партии (в конце марта 1934г.) вплоть до его ареста он нигде не работал. Это об'яснялось не тем, что

Николаев не мог получить работы, а его упорным нежеланием заняться какой-либо работой. Посвятив себя целиком подготовке террористического акта, я полагаю, что он не хотел связывать себя работой где-либо".

(Дело Николаева и др., папка № 1, стр.183, 182).

В заявлении в ЦК КПСС быв.зам.начальника Управления НКВД по Ленинградской области т.Фомина так описывается поведение Николаева в первые часы после его ареста:

"Убийца долгое время, после приведения в сознание кричал, забалтывался и только к утру стал говорить и кричать "мой выстрел раздался на весь мир", я ему говорил, что за этот выстрел кроме проклятия от народа вы ничего не будете иметь. На неоднократные вопросы, задаваемые мной и заместителем начальника О.О.Янишевским - "Кто побудил тебя, Николаев, произвести этот выстрел?" - он впадал в истерику и начинал кричать, но ответа никакого не давал". (Заявление т.Фомина от 26 марта 1956г.).

Допрошенный в день убийства С.М.Кирова Николаев заявил, что никаких участников в совершенном им убийстве не было, что все это он подготовлял один. Далее он показывал, что рассматривал убийство Кирова как "сигнал" перед партией о несправедливом отношении к живому человеку, что он считает, что им выполнена "историческая миссия".

В протоколе допроса от 3 декабря Николаев говорит только о том, с кем из сотрудников обкома и горкома он встречался в день 1 декабря в Смольном, куда он приходил в этот день дважды, как он добивался билета на актив и т.д., дает показания о самом моменте убийства.

«...Вышел из здания Смольного и гулял в течение часа по Тверской улице, Очаковской и вернулся в Смольный. Поднявшись на третий этаж, я зашел в уборную и выйдя из уборной повернул налево. Сделав два-три шага, я увидел, что навстречу мне, по правой стороне корридора идет Сергей Миронович Киров на расстоянии от меня 15-20 шагов. Я, увидев Сергей Мироновича Кирова, сначала остановился и отвернулся задом к нему, так, что когда он прошел мимо меня, я посмотрел ему вслед в спину. Пропустив Кирова от себя на 10-15 шагов, я заметил, что на большом расстоянии от нас никого нет. Тогда я пошел за Кировым вслед, постепенно нагоняя его. Когда Киров завернул за угол, налево к своему кабинету, расположение которого мне было хорошо известно, вся половина корридора была пуста - я подбежал шагов за пять, вынув на-бегу наган из кармана, навел дуло на голову Кирова и сделал один выстрел в затылок. Киров мгновенно упал лицом вниз».

(Дело Николаева и др., папка № 1, стр.42).

Из этого показания Николаева видно, что оперкомиссар Борисов отстал от Кирова не на 20 метров, а по крайней мере, на 40-50 или даже более, что никаких «дозорных» в момент покушения в главном корридоре не было.

2 4 декабря 1934г. в сообщении на имя секретаря ЦК ВКП(б) т.Сталина Агранов, который вел в этот момент следствие, сообщал: «Агентурным путем (имеется в виду, очевидно, сообщения сотрудников НКВД [Кацафа и Радина], сидевших в камере с Николаевым), со слов Николаева Леонида, выяснено, что его лучшими друзьями были троцкист Каталынов Иван Иванович и Шатский Николай Николаевич, от которых он многому научился. Николаев

говорил, что эти лица враждебно настроены к т.Сталину. Ката-
лынов известен Наркомвнуделу, как бывший активный троцкист-
подпольщик. Он в свое время был исключен из партии и затем
восстановлен. Шатский - бывший анархист, был исключен в 1927
году из рядов ВКП(б) за контрреволюционную деятельность. В
партии не восстановлен. Мною отдано распоряжение об аресте
Шатского и об установлении местопребывания и аресте Ката-
лынова".

(Дело Николаева и др., папка № 1, стр.49).

После этого впервые в показаниях Николаева появляются
упоминания о "связях" его с троцкистами. Но при этом Николаев
категорически отрицает еще участие троцкистов и зиновьевцев
в покушении на Кирова.

Передавая Сталину допрос Николаева от 4 декабря, Агранов
пишет: "Николаев держится крайне упорно". (Там же, стр.47).

При допросе 4 декабря Агранов ставил Николаеву вопрос:
"Какое влияние на ваше решение убить т.Кирова имели ваши
связи с оппозиционерами-троцкистами?"

Николаев отвечал:

"На мое решение убить т.Кирова повлияли мои связи с
троцкистами: Шатским, Каталыновым Ваней, Бардиным Николаем.
Однако я знал этих людей не как членов группировки, а инди-
видуально".

На вопрос - "Принимали ли эти лица участие в его преступ-
лении?" Николаев отвечал: "Нет, не принимали". Примерно в
августе месяце сего года, когда я вел наблюдение за домом,

где проживают Киров и Чудов - на улице Красных Зорь, я встретил Шатского. Он жаловался на свою оторванность от партии, на свое недовольство. Он сказал, что другой на его месте был бы готов на все...

С Котольновым я увиделся в Политехническом институте в Ленинграде перед Октябрьскими праздниками (4 ноября), но беседы у нас не было".

(Дело Николаева и др., папка № 1, стр.47, 46).

Из этих показаний Николаева от 4 декабря вытекает, что уже в августе 1934 года у Николаева, независимо от встреч с Котольновым и Шатским были террористические намерения в отношении С.М.Кирова и он, Николаев, в этих целях „вел наблюдение" за домом, где проживал Киров, на улице Красных Зорь.

Здесь, по его словам, он случайно встретил Шатского, который пожаловался ему на свое тяжелое положение и заявил, что „другой" на его месте дошел бы до крайности. Затем они „переглянулись" при виде приехавшего на машине Чудова. Вот, собственно, и все, что было установлено следствием 4 декабря.

Далее, в протоколе зафиксировано, что Котольнова Николаев впервые встретил только 4 ноября 1934 г., причем никакого разговора у них не было. Следовательно, Котольнов не мог быть инициатором и главным организатором убийства С.М.Кирова. На это обстоятельство и опирался Котольнов на суде, довольно убедительно опровергая все последующие (после 4 декабря) показания Николаева.

Вот что заявлял Котольнов на суде 28-29 декабря 1934 г.:

„Николаев утверждает, что будто я его вовлек в к/р организацию и в то же время говорит, что до этого была встреча с

Шатским, который вовлек его в организацию. Встреча Шатского предшествовала встрече с Котолыновым, и кто вовлек в организацию, если этой встрече предшествовала встреча с Шатским. Значит вовлек Шатский и нечего впутывать Котолынова. Он утверждает, что встреча в сентябре 1934 года была с Котолыновым, но в своих показаниях он утверждает, что еще летом 1934 года он встречался с Шатским, возле квартиры Кирова. Возникает вопрос, что они делали у квартиры Кирова летом 1934 года. Если вы собирались террористический акт делать, то зачем вам встреча в сентябре, когда вы летом ходили около квартиры т.Кирова. Вот эти внутренние противоречия разоблачают ложные показания Николаева. У меня есть еще целый ряд моментов, которыми он разоблачит себя. Пусть он скажет твердо, - где была встреча с Котолыновым, он говорит в Индустриальном Ленинградском институте, пусть скажет, где и как была организована встреча. Я берусь разбить в дым эти показания". (Стенографический протокол судебного заседания выездной сессии Верховного Суда Союза ССР от 28-29 декабря по делу Л.В.Николаева и других, лист 54).

В своем последнем слове Котолынов говорил:

"Я любую кару могу принять на себя, но ни о какой пощаде я не молю, а требую сурового наказания, но в этом убийстве я не участвовал, и в этом заключается моя трагедия. Николаев, Антонов показывают о том, что я знал, но я не знал, не участвовал, не организовывал и не встречался с Николаевым".

"Имея обвинительное заключение, я видел ряд противоречий, о которых часто говорил. Эта неточность, эти противоречия основаны на лживых показаниях Николаева. Все сидящие на скамье

подсудимых признают себя виновными в террористическом акте, а я отказываюсь".

„Первый вопрос - кем был вовлечен Николаев в к/р организацию. По его показаниям выходит, что он первую встречу имел с Шатским, а потом с Котольновым. Но сами показания того же Николаева говорят, что он с марта месяца не работал и жена его тоже показывает. Но почему он не работал. Жена Николаева указывает, что он не работал для того, чтобы иметь время для подготовки террористического акта. С конца марта 1934 года он не работал и это об"ясняется не тем, что он не мог получить работу, а он хотел себя посвятить целиком и полностью подготовке террористического акта, стало быть он готовился к террористическому акту уже задолго до той встречи со мной, о которой он говорит. Он говорит, что эта встреча была в сентябре. Он встречался с Шатским около квартиры Кирова летом 1934 года. Это опять до моей встречи, - со слов самого Николаева".

„С полной ответственностью последний раз заявляю, что виноват в к/р зинovieвщине. Я отвечаю за тот выстрел, который был сделан Николаевым, но я в организации этого убийства участия не принимал". (Листы 117-118-119).

В своем последнем слове подсудимый Шатский также полностью отрицал свое участие в подготовке террористического акта над С.М.Кировым и соответствующие показания Николаева. Шатский заявлял:

„Я должен подтвердить, что никакой связи с к/р группой, с террористической группой я не имел. Ни о каких приготовлениях, ни о террористических актах над т.Сталиным и Кировым я не знал.

Никаких разговоров, о которых здесь говорили и на следствии и которые якобы я вел, никаких переговоров относительно покушения, - я не подтверждаю, я этого не признаю". (Лист 122).

Котолынов просил доследовать дело Николаева, разобраться в явной противоречивости его показаний.

Видимо, это выступление Котолынова произвело впечатление на Ульриха - председателя Военной коллегии. В письме в Комитет партийного контроля т.Аристовой-Литкенс (бывшей фактической жены Ульриха), которая во время процесса была в Ленинграде, говорится:

„Когда судебное следствие было закончено и об"явлен перерыв для вынесения приговора, т.Ульрих неудовлетворенный, видимо, чем-то в следствии звонил по прямому проводу в Кремль, запрашивая разрешение на доследование, для выяснения некоторых фактов, недостаточно ясно освещенных, но могущих дать более глубокие корни и нити этого злодеяния, получил от т.Сталина резкий краткий ответ: „Какие еще доследования? Никаких доследований. Кончайте“.